

ЧИТАЙТЕ ГОТИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ АННЫ ВЕЛЕС:

Сериал «Бюро магических услуг»

Зов в сумерках	Жрец забытого бога
Колдун высшего звена	Правила готической игры
Обреченная невеста	Чаша волхва
Любовное проклятие	Замок из кошмаров

Сериал «Клуб охотников за привидениями»

Неприкаянные души
Тени ушедших
Месть духов

Сериал «Преступная магия»

Палач ведьм
Маска ангела смерти
Убийства по фэншуй

Сериал «Ева Куракина, Маг-Артефактор»

Тайна горгульи	Тайна Отроц монастыря
Семь колец Пушкина	Магия крови

Сериал «Детективное агентство «Хеймдаль»

Невесты вампира
Чат с мертвецами
Страх в кукольном домике

Сериал «Дела Бездушного»

Королева мертвых
Личное дело Бездушного
Смерть с обложки

Сериал «Рыцарь Грааля»

Таинственный квест
Путь в Камелот

Сериал «Ведьмин детектив»

Отложенная казнь

ГЛАВА 1

1

Кирилл вышел из автомобиля, раздраженно хлопнул дверцей и мрачно осмотрелся. Серое утро, серые дома, все будто пропитано противной сыростью. На этом фоне желтая лента ограждения просто резала глаз.

Он надел тонкие резиновые перчатки, в которых руки леденели сразу, в любую погоду, в любое время года. Плотнее запахнув пальто, он двинулся вперед. Нехотя. Кирилл ненавидел «уличные убийства». Всегда чужие глаза, в воздухе висит эта отвратная смесь страха и жадности зрелищ. Смерть — это таинство, неприглядное, глухое, тоскливое. Ее нельзя выставлять напоказ. Но... Он осмотрелся. К счастью, сегодня зевак мало, да и ребята из оцепления отогнули этих жадных стервятников подальше.

Кирилл привычно ловко проскользнул под линией ограждения. Асфальт с выбоинами и мелкими лужами. Щербатый, сиротливый, жалкий. И труп... Сначала Кирилл почему-то обратил внимание на ногу жертвы. Тонкую, худую и стройную, в серых узких джинсах, в ботиночке на

высоком каблучке. Какая-то слишком хрупкая. Как и вся фигурка. Сколько же этой девочке лет? Вся она такая же тоненькая, миниатюрная, будто куколка. В короткой курточке, в белом свитерке, теперь испачканном кровью.

Кирилл подошел совсем близко, присел рядом с телом. Голова девушки была повернута в другую сторону, и майору сейчас так не хотелось видеть пустые глаза, застывшие на худеньком девичьем личике. Пока достаточно этого изломанного, брошенного тела, смешной крохотной сумочки, разметавшихся по грязи волос, красивых, густых, темных, как мех горностая. Собранных в косу...

Внезапно он подумал, что тут что-то неверно. Ведь на самом деле косичек должно быть две. Такие богатые, свисающие почти до талии. Эти косички совсем не вязались с торжественно-серьезным выражением еще почти детского, но уже удивительно красивого лица. Аристократически тонкого, с четкими, точными линиями, идеально правильными чертами лица и потрясающе гладкой молочно-белой кожей. И с огромными, еще такими наивными синими глазищами в обрамлении черных длиннющих ресниц. Откуда только такая почти царская красота у простой деревенской девчонки...

Кирилл на миг зажмурился. Что сейчас было? Они в центре города, немало, между прочим. При чем тут деревня, косички... Он все же чуть нагнулся вперед и посмотрел на лицо убитой. Обычное женское личико. Симпатичное, в чем-то тоже наивно-милое, с чуть крупноватым курносым носиком, почти незаметными скулами и округлыми щеками. Глаза девушки оказались ожидаемо пусты. В этих красивых зеленовато-карих глазах навсегда застыло выражение удивления и тоски. Да и девушка эта явно старше той...

Кирилл раздраженно нахмурился. Суточное дежурство не прошло даром. В голову лезет какой-то бред...

— С тобой все нормально? — озабоченно спросили его. Чья-то рука сочувственно легла на плечо.

— Да, Вань. — Он машинально кивнул. — Насколько может быть нормально в таких обстоятельствах. Когда все это произошло? Кто-нибудь что-то может сказать?

— Естественно, свидетелей нет, — с угрюмым сарказмом известил его напарник. — Ее нашли в шесть утра. Первый, кто вышел из подъезда. Какой-то очередной любитель здорового образа жизни и активных ранних прогулок. Увидел, узнал, позвонил нам.

— Узнал, — акцентировал Кирилл. — Она местная?

— Да вот прямо тут и живет. — Иван указал на облезлую и расписанную неумелым подростковым граффити дверь подъезда. — Буквально пять шагов до дома не дошла...

— Как и в трех остальных случаях, — сухо напомнил ему друг. — Без экспертов видно, почерк тот же.

Он указал на кровь на груди и животе девушки.

— Четыре ножевых, — подтвердил напарник. — Похоже. Скорее всего, наш четвертый случай за год. Четвертый возможный глухарь.

— Глухая серия, — болезненно поморщился Кирилл. — А порез на щеке есть?

Иван молча нагнулся и чуть повернул голову мертвой девушки. Кирилл снова присел возле трупа, посмотрел... На миг все снова изменилось. Вместо лица убитой мелькнуло то, другое, молодое, серьезное, живое...

— Что-то с тобой точно сегодня не так, — констатировал его друг.

— Если буду хоть изредка спать, все наладится. — По тону майора легко можно было догадаться, что выспаться ему не светит. Впереди целый рабочий день. Тяжелый. Теперь это очевидно.

И он снова перевел взгляд на убитую. Ее левая щека была исполосована ножом. Точнее, неизвестный серийный убийца вырезал на коже уже знакомый полицейским знак «S».

— Вот ненавижу это! — раздался рядом третий голос — к ним присоединился эксперт. — Все эти зверские выходки. И эти их маньячные идеи. Что это такое?

Серега указывал на щеку девушки.

— Зорро он, что ли, недоделанный? — с досадой возмутился эксперт. — Или это его личная подпись?

Кирилл задумчиво мотнул головой.

— Боюсь, тут что-то глубже, — заявил он. — Глубже и древнее...

Это последнее слово влезло в голову само. И... вызвало какое-то странное ощущение. Преддверие воспоминания, некое предчувствие. Мерзкое и беспокойное.

Кирилл резко выпрямился. Что за черт? Пора к психологу? Что с ним творится сегодня? Это же далеко не первое суточное дежурство. Не первый выезд на труп. Даже конкретно в этом деле. Почему именно сейчас в голову лезет всякая муть?

— Ты, похоже, заболеваешь, — со знанием дела решил Иван, глядя на друга с беспокойством.

Кирилл просто кивнул.

— А где тот любитель ранних походов? — поинтересовался он. — Ты с ним уже говорил?

— Нет. — Друг тяжело вздохнул. — Но сейчас пойду. Похоже, сегодня лучше я. А ты давай, соберись...

И он, бросив на майора последний обеспокоенно-подозрительный взгляд, отправился к подъезду, где стоял молодой человек в спортивном костюме в компании полицейского в форме.

Кирилл посмотрел на Серегу.

— Мы хоть знаем, кто она? — спросил он.

— Сейчас. — Эксперт привычно ловко подобрал женскую сумочку, вскрыл ее и стал осматривать.

Кирилл почти ненавидел себя сейчас, но... Он снова посмотрел на лицо жертвы. Нет, вроде все нормально. Она не похожа на ту девочку. Точно старше, цвет волос другой, лицо не как у...

— Леони, — вслух произнес Кирилл.

— Лиана, — поправил его Серега, разглядывая паспорт жертвы. — Ну ты даешь! Откуда узнал? У вас теперь фишка такая? Угадываете имена трупов?

— Типа того, — буркнул майор.

Но имя Леони просто билось у него в голове тревожным колоколом. И с каждым ударом Кирилл чувствовал себя все хуже.

— Ей двадцать два года, — между тем спокойно продолжал эксперт. — Прописана в этом доме. Тут еще у нее проездной и электронный ключ... Наверное, с работы. И какие-то документы... типа бухгалтерия или что-то похожее. Кир, надо бы ее в морг. Время смерти установить и так далее...

Майор кивнул, не глядя. Ему надо было избавиться от звучащего в голове имени, от странного гнетущего беспокойства и от какой-то пугающе тяжелой грусти, которую он испытывал, без конца повторяя про себя: «Леони»...

Это случалось всегда. Неизбежно. Каждый раз, когда он видел своего врага, начинал испытывать боль. Он знал, что это чувство фантомно, но боль приходила всегда. Вспыхивала резко, охватывала целиком, поглощала, мешала дышать. А вместе с ней возвращался страх смерти, с которым он ничего не мог поделать. Этот страх унижал, и за это он ненавидел себя больше, чем своего врага.

А ведь он пришел сюда, чтобы просто удостовериться в торжестве своей правоты. Это должен быть очередной день его новой победы. Однако... Радости и удовлетворения больше не было. Только боль, разливающаяся жаром по животу, стремящаяся ввысь, к сердцу. Как тогда. В тот день, который его враг еще не помнит.

Боль заставляла прижиматься спиной к холодной и грязной стене. А он не выносил грязи. Любая грязь ассоциировалась у него с ощущением собственной крови, липкой и вонючей, засыхающей коркой на коже. И это все благодаря ему, человеку, который сейчас осматривал труп очередной убитой грязной девки.

Он многое бы отдал за то, чтобы убить этого человека. Сейчас, пока еще не поздно. Убить хотя бы раз. Но... Не так. Не исподтишка. Это должна быть казнь. Судилище перед богом и людьми. За его мерзость и грех. Должен разгореться огонь очищения. И когда-нибудь этот огонь поглотит его врага.

В этот раз он найдет способ это сделать. Он доведет свое служение до конца и тогда будет свободен. А пока ему придется еще немного потерпеть.

Он, преодолевая новый приступ, скручивающий внутренности, вызывающий тошноту, вперился глазами в фигуру, застывшую у трупа. Он хотел рассмотреть врага, понять, каким он стал здесь и сейчас. Это тоже было неправильно и зря, это заставляло страдать. Вот так, каждый раз, в деталях изучать ненавистное лицо, сейчас отчужденно-скорбное, усталое. Смотреть на его фигуру, как всегда высокую, подтянутую. Фигуру воина. Хотя какой он воин? Просто деревенский увалень, умеющий держать меч. Отрепье, чуть лучше тех, с кем он водится. Но... может быть, это его собственное очищение, его страдания, испытание. И он... он снова выживет...

Боль становилась невыносимой. Он осторожно стал отступать дальше, все еще не сводя взгляда с лица своего врага. И когда уже собирался отвернуться... Он не мог улыбаться так далеко, но... он прочел по губам и вздрогнул. Он почувствовал страх, омерзение, ярость и темное жуткое чувство, поднимающееся откуда-то из самых глубин. Как и всегда при упоминании этого имени. Леони...

Надо бежать. Сейчас это необходимо. Быстрее прочь. Пока еще есть силы, туда, в свою спасительную темноту и тепло кабинета. Туда, где есть лекарство. Временное спасение от всего этого. От боли, памяти, бессилия, от этого имени. Леони... Один укол, несколько минут блаженства и темнота. А потом он будет думать, как все это преодолеть.

3

Она помнила день своего посвящения. Лето, холм над озером. Помнила это пьянящее ощущение, когда впервые встала в центр круга. Когда в ней играла сила. Тогда Май

подняла руки, и сотни бабочек сорвались вслед за ней с цветков. Она устремила свою энергию ввысь, к солнцу, и легкий ветерок завился между ее запястьями. Она была счастлива. Мир вокруг нее прекрасен, и он принадлежит ей.

Май достаточно было легко оттолкнуться от земли, и она бы взлетела — от этого переполняющего ее восторга, пьянящего всеислия, полной свободы и безграничного счастья. Тогда она умела летать. А сейчас...

Май неслась по замерзшему молчаливому лесу. Ноги в легких туфлях заledenели, и неумолимый холод поднимался к сердцу. Май бежала вперед, задыхаясь от страха. Если она не успеет... Ее волосы спутались, лезли в глаза, задевали за мелкие ветки. Она даже не чувствовала боли, когда лес брал с нее свою жертву, выдирая пряди с корнем. Май не видела тропинок, знакомых с детства, она бежала напрямик, на автомате, перепрыгивая через упавшие стволы, яростно раздирая кусты. Исцарапанная, грязная, в порванной одежде.

Май не слышала хруста веток под шагами Мона, его окрики и ругательства. Еще немного, вперед-вперед... успеть! Даже ценой своей жизни!

Наконец она вырвалась на поляну. Тут еще были заметны следы жидкого снега, острого, как осколки стекла, такого редкого для ее родных мест. Следы снега и крови. Ее запах ударил в нос, превращая страх в панику. Май свернула туда, куда уходила кровавая полоса. Она сама не замечала, как уже тихо плачет от отчаяния. Когда увидела его тело за очередными кустами, будто прорвало плотину, и она зарыдала в голос.

Май буквально подлетела к распростертому на земле мужчине, упала рядом с ним на колени, отчаянно расца-

рапав израненные и замерзшие ноги. Девушка тянула его вверх, поднимала, чтобы перевернуть слишком тяжелое тело на спину. Он упрямо не поддавался. Так же упрямо, как он полз сюда...

— Карл! — Его имя вырвалось из горла вместе с рыданиями. — Как же так... Карл!

Девушка сквозь слезы осматривала тело. Рана. Одна глубокая, на правом боку... И море крови... Май приложила свои закоченевшие ладони к этому месту и призвала свою силу. Ту самую силу, что могла подкинуть девушку в воздух, что рождала ветер, а когда надо, даже огонь... Но сейчас ладони лишь чуть потеплели. А этого так мало...

— Карл, — жалобно звала она. — Карл, милый... Открой глаза! Не уходи, Карл!

Но мужчина ее не слышал. Она даже боялась проверить, дышит ли он вообще. Он должен дышать, должен жить, даже если сейчас она вложит в него свою собственную душу и жизнь. Май снова попыталась призвать силу, но отчаяние и страх не давали мыслить, сосредоточиться, творить. Магия делается на холодный рассудок...

Май просто встряхнула мужчину за плечи, насколько хватило ее человеческих слабых сил.

— Карл! — Ее крик сорвался на верхней ноте. — Карл! Ты не бросишь меня! Карл, открой глаза!

Но он не открыл их. Просто лежал безвольно и... мертво...

Май резко села на кровати, распахнув глаза. Щеки были мокрыми от слез, в горле еще саднило от рыданий. Мон стоял рядом. Угрюмый и усталый.

— Опять? — обреченно спросил он.

Она кивнула, вытирая лицо.

— Когда? — поинтересовался он.

— Там, — глухо выдавила девушка и откашлялась, потому что горло будто зажали тисками. — В первый раз. Лес у Экса.

— Но тогда же все обошлось, — скупно улыбнувшись, заметил Мон. — Ему всегда везло, помнишь?

Она тоже заставила себя изобразить подобие улыбки.

— Хватит, — тихо, но твердо произнес друг. — Ты все же ведьма. Иди и выпей какую-то из твоих отрав. Иначе у тебя не будет сил спасти гада в этот раз. Свари пойло от памяти.

Май не стала спорить, спустила ноги с кровати.

— Ты не так уж сильно его не любишь, как хочешь показать, — напомнила она, потому что Мон от нее этого ждал.

— К сожалению, — наигранно сердито проворчал он. — Иначе бы не тратил столько времени на его поиск. Иди за отравой! А я его найду...

4

Выспаться. Это стало чем-то большим, чем даже мечта. С того момента, как Кирилл впервые вспомнил лицо Леони, все пошло наперекосяк. Дело об убийствах за эти дни не сдвинулось ни на дюйм, слишком странное дело. Не было улики. Убийца не оставлял следов. Не было версий. Кроме самой простой — что в их городе орудует псих. Не было ничего, что связывало бы жертв между собой. Имелось четыре трупа, одинаковый почерк и этот непонятный вырезанный знак на щеках убитых женщин.

Эта буква действовала на Кирилла не меньше, чем его галлюцинации, которые за пять дней стали нормой. Майор

пробывал в полной уверенности, что знает смысл послания. Но не помнит. Хотя это предчувствие воспоминания мгновенно начинало раздражать, заставляло волноваться, и... приводило к диким приступам головной боли.

А ведь раньше такого никогда не было. У Кирилла ни разу в жизни не болела голова. До этого... До Леони. А сейчас... Он привык к Леони. Почти. Привык видеть ее лицо, косы. Ее старинный наряд не казался Кириллу странным. Просто Леони была такой. Когда-то в прошлом. Вот только век майор бы точно не определил. Больше его смущало то, что каждый раз девушка, вернее, еще девочка, склонялась над ним, начинала произносить какие-то слова. И Кирилл знал, что она говорит не по-русски, хотя прекрасно понимал ее речь. А еще — он точно был уверен, что этот голос принадлежит не Леони. Голос был старше этой девочки, увереннее и злее. И Кирилл почти любил этот голос... А все вместе полностью выбивало его из колеи.

Как и сны. Они приходили каждую ночь. Их сюжет был однообразен. Каждую ночь Кирилла убивали. Или хотя бы пытались это сделать.

Темная комната, голые каменные стены. Пара чадающих светильников. Грязь и шуршание крыс по углам. Люди, лежащие на каких-то койках. Сам Кирилл сидит на табурете возле одного из них. Первое, что он ощущает, — дикую нечеловеческую усталость. Потом запах. Вернее, смрад. Человеческой грязи, разлагающейся плоти и обгорелого мяса.

Кирилл одет в рубаху, которая когда-то была белой и чистой. Сейчас она заляпана кровью и смердит, как и все вокруг. Он обмывает руки в глиняном сосуде, похожем на что-то среднее между котлом и миской. Вода там тоже, наверное, когда-то была чистой. Сейчас она густо-розовая от